

as a linguistic identity, becomes familiar with a certain national culture through the acquisition of basic nation-determined cultural concepts and symbols of another culture. For students studying Roman law and the English language it is important to understand that Latin and English vocabularies connected with law have a lot in common. Language similarity of lexics and grammar of Latin and English is interpenetrative and must help studying the lexics of this pair of languages.

Key words: intercultural communication, linguistic identity, concept, languages interpenetrating, Latin, English, world view.

Статью отримано 29.10.2014 р.

УДК 811.161.1'243'367.625'37'342.2-054.6

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galinav44@mail.ru; тел.: +7 (812) 6862112; моб.: +7 921 6580090

ВИНОГРАДОВА Марина Владимировна,

заместитель заведующего кафедрой русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; тел.: +7 (812) 7303239; моб.: +7 8 921 3405621

ГЛАГОЛЫ, ПЕРЕДАЮЩИЕ ЗВУКОВУЮ СТОРОНУ РЕЧИ, В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье предлагается принцип полноты семантического описания культуроинформативной лексики, который реализуется с привлечением лексикографических источников и текстовых реализаций (на примере лексико-семантической группы глаголов, передающих звуковую сторону речи). Данный принцип актуален для описания предмета обучения иностранных студентов-филологов в рамках лингвокультурологического подхода.

Основной источник исследованных контекстов — роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Наиболее часто употребляются глаголы и отглагольные существительные словообразовательных гнезд: «кричать» — 221; «шептать» — 97; «бормотать» — 38 (слова, указывающие на степень громкости речи); реже: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3.

В преподавании необходимо использовать особые приёмы, которые позволяют эксплицировать лингвокультурный потенциал глаголов: приём установления степени проявления основного семантического компонента тематической группы (громкости, темпа и др.); приём наложения семантических и текстовых конкретизаторов на типовую семантику глаголов тематической группы; приём опоры на экстралингвистическую ситуацию речевой деятельности; приём соотнесения различных средств номинации звуковой стороны речи и другие.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, принцип полноты семантического описания лексики, лингвокультурологический подход, иностранные студенты-филологи, русский язык как иностранный.

Звуковая сторона речи, которая проявляется в особенностях голоса, тона, манеры артикуляции и др., является одним из важнейших аспектов коммуникации. Традиционно основным критерием оценки звучащей речи считалась её ясность и чёткость. М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» подчёркивает необходимость чёткого произнесения как самого текста, так и отдельных звуков: «Каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно» [5, § 137].

Показательно, что не все критерии оценки звучащей речи являются культурно универсальными и потому создают определённые помехи в межкультурном взаимодействии, о чём свидетельствуют многочисленные факты, приводимые лингвистами, работающими в области межкультурной коммуникации. Так, С. Г. Тер-Минасова отмечает, что громкий голос русского преподавателя воспринимается некоторыми иностранными студентами как грубость, оскорбление [6, с. 128]. По свидетельству С. С. Хромова, в Англии американцев считают говорящими несносно громко, отмечая их интонационную агрессию. Это объясняется тем, что англичане регулируют звук своего голоса ровно настолько, чтобы его слышал в помещении только один собеседник, а в Америке подобная манера ведения делового разговора считается «шептанием» и вызывает чувство подозрения, поскольку американцев «заставляет высказываться во всеуслышание полное расположение к собеседнику, а также тот факт, что им нечего скрывать» [7, с. 29].

Внимание к звуковой стороне речи как важному фактору коммуникации обусловлено её «сплавленностью» с содержательной стороной, с психологическими, социальными и эмоциональными характеристиками говорящего человека, с его эстетической и этической оценкой: «По голосу мы узнаём человека. В нём озвучена его личность — её этнические, социальные, возрастные, половые и индивидуальные грани, его характер, его профессиональные функции и социальная маска, его физическая организация. По голосу мы судим о внутреннем мире человека, его отношении к адресату, его коммуникативных интенциях» [1, с. 10].

Русский язык обладает весьма впечатляющим арсеналом средств номинации звучащей речи. В её вербализации участвуют все знаменательные части речи и самые разные словосочетания, получающие как дескриптивные, так и оценочные значения. Важнейшим же средством являются глаголы речи, указывающие на степень чёткости произнесения (*бормотать, мямлить*), степень громкости (*голосить, кричать, шептать*); скорость речи (*тянуть, частить*); высоту голоса (*басить, пищать*); особенности артикуляции (*шепелявить, гундосить*) и др. Данная группа глаголов весьма многочисленна (в различных идеографических словарях насчитывается до 150 подобных глаголов); сложна и неоднородна по семантике (в составе этой группы выделяется до десяти подгрупп); включена в широкий лингвокультурологический контекст (в художественном дискурсе они способны отражать сложный внутренний мир «человека говорящего» и художественный замысел автора).

Лингвокультурологический подход к обучению иностранному языку предполагает включение в содержание обучения важнейших аспектов культуры, среди которых значительное место принадлежит «человеку говорящему», звучащая речь которого попадает в сферу этических, социальных и эстетических оценок.

Как показали материалы картотеки ошибок и трудностей, возникающих у студентов-иностранцев, даже студенты-филологи полностью не владеют многообразием лексических средств, передающих семантику внешней стороны речи, а большая часть таких глаголов ими практически не используется, что ведёт к так называемым «ошибкам неупотребления». Содержание глаголов этой группы не включается студентами в широкий культурологический и художественный контекст, ввиду чего остаётся не усвоенной их сложная семантика, коннотативное содержание и контекстуальные возможности.

Глаголы, передающие особенности звуковой стороны речи, получают у исследователей и различные обозначения: глаголы речи, характеризующей по звучанию и произнесению, глаголы характеризованной речевой деятельности, глаголы, передающие внешнюю сторону речи, глаголы произнесения, глаголы звучания, произносительные глаголы и др. В учебных целях представляется актуальной следующая структура учебной лексико-семантической группы исследуемых глаголов. Прежде всего, на основании критерия учёта осложнённости «собственно акустической» семантики были выделены две подгруппы: глаголы, в значениях которых доминирует собственно акустический аспект произнесения, и глаголы, в значениях которых собственно акустический аспект произнесения осложняется указанием на внутреннее состояние субъекта речи (психологическое, эмоциональное, его отношение к адресату), например: *ворковать* — «нежно разговаривать», *ворчать* — «сердито бормотать, выражая неудовольствие», *шипеть* — «говорить сдавленным от злости голосом» и др. Эта подгруппа является особенно сложной для иностранных студентов, поскольку многие относящиеся к ней номинации образованы метафорическим путём. Большинство из них относится к числу зооморфных метафор, и лишь немногие имеют в основе «незвуковое» первичное значение (например, *цедить*).

В свою очередь, в подгруппе глаголов, передающих преимущественно акустический аспект произнесения, были выделены следующие подгруппы глаголов, указывающих на: а) *степень громкости* (шептать, кричать); б) *протяжённость, темп* (тараторить, размусоливать); в) *высоту, тембр* (басить, пищать, сипеть, хрипеть); г) *степень отчётливости, разборчивости* (бубнить, мямлить); д) *дефекты речи* (шепелявить, картавить).

Принцип полноты семантического описания лексики потребовал систематизации её словарных толкований, выявившей как типовую семантику отдельных подгрупп, так и различные способы её конкретизации и дифференциации. Так, в значениях глаголов, указывающих на степень громкости речи, по данным «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), помимо семантического компонента, прямо указывающего на степень её громкости, их типовая семантика осложняется дополнительными компонентами. Наиболее часто в толкованиях используются следующие конкретизаторы: *невнятно, невразумительно* (бормотать, лепетать); *неясно* (мычать); *небрежно* (цедить); *беспорядочно* (галдеть); *монотонно* (бубнить). В учебном процессе необходимо учитывать, что значение глаголов, указывающих на низкую степень громкости речи, осложняется такими конкретизаторами, как: *неясно, монотонно, невнятно* и др., содержащими негативную оценку, обусловленную трудностями восприятия тихой речи, а значение глаголов, указывающих на высокую степень громкости, — конкретизаторами: *возбуждённо, беспорядочно*, — содержащими оценку, зависящую от ситуации общения.

В значении ряда глаголов другой подгруппы содержится семантический компонент, прямо указывающий на её протяжённость. Семантика протяжённости в данных глаголах осложняется дополнительными конкретизаторами: *неожиданно* (выпалить); *без умолку* (тараторить, тархтеть); *невнятно* (отбарабанить); *слишком пространно* (размусоливать); *подробно* (рассусоливать); *протяжно* (тянуть). Некоторые конкретизаторы имеют негативную оценочную семантику, например: *слишком пространно, излишне подробно, невнятно* и др.

Таким образом, в обучении русскому языку иностранных студентов-филологов необходимо учитывать не только градации типовой семантики различных подгрупп глаголов речи, характеризующей по звучанию и произнесению, но и различные способы её семантической конкретизации, передающие важные нюансы звуковой стороны речи.

Лингвокультурологический потенциал данных глаголов проявляется в различных контекстах и, прежде всего, в текстах художественной литературы, дополняющих и уточняющих не только словарные дефиниции глаголов, но и проясняющих экстралингвистическую ситуацию осуществления речевой деятельности. С целью выявления лингвокультурологического потенциала исследуемых глаголов было проанализировано употребление подгруппы глаголов, называющих дефекты речи и указывающих на степень её отчётливости и разборчивости (*брюзжать, гнусавить, гундосить, заикаться, картавить, коверкать, мекать, сипеть, сюсюкать, шамкать, шепелявить, щebetать*) в различных контекстах, для чего способом сплошной выборки было отобрано более 1000 фрагментов из Национального корпуса русского языка, включающих данные глаголы. Анализ контекстного употребления позволил значительно расширить их учебное толкование и на основании дополнительной экстралингвистической информации выявить ряд «правил» семантического согласования некоторых голосовых признаков с особенностями контекста, выделив в нём различные способы «развёртывания» семантического потенциала данных глаголов, например:

— контексты, указывающие на физиологические дефекты говорящего: *Во рту у него не хватает одного зуба, как раз переднего, и от этого он шепелявит* (В. Некрасов); *У него был язык несколько длиннее, чем следует, или что-то вроде этого, оттого он постоянно шепелявил и сюсюкал и, кажется, этим ужасно гордился, воображая, что это придаёт ему чрезвычайно много достоинства* (Ф. М. Достоевский);

— контексты, представляющие собой информацию о специфике ситуации общения: *И опять крайне удивились и редактор и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал: — Имейте в виду, что Иисус существовал* (М. А. Булгаков);

— контексты, указывающие на гендерные и возрастные особенности субъекта речи: *Он вообще заметно старился, делался требовательнее и брюзжал, как настоящий старик* (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

— контексты, содержащие информацию об особенностях характера субъекта речи: *Он брюзжал ужасно, особенно за обедом, и все приёмы его были совершенно деспотические* (Ф. М. Достоевский);

— контексты, уточняющие род деятельности и занятий субъекта речи: *Топпи перестал религиозно гундосить как заштатный пономарь, а я заложил ногу за ногу, закурил сигару и к самому зрачку Мангуса приставил свой стальной и острый взгляд* (Л. Андреев);

— контексты, указывающие на влияние других языков на русское произношение: *Он так тонко объяснялся по-французски, что невольно присвистывал и гнусавил, говоря по-русски* (Ю. Н. Тынянов). Названная группа контекстов не может считаться исчерпывающей, поскольку возможности художественной литературы, по сути, безграничны.

Таким образом, группа глаголов речи, характеризующей по звучанию и произнесению, составляет один из важнейших, культурно информативных фрагментов русской языковой картины мира, так как репрезентирует наиболее существенный вид деятельности человека, представляя «человека говорящего» и отражая специфические особенности процесса коммуникации. Лингвокультурологический потенциал этой группы глаголов в значительной степени закодирован для иностранных учащихся (конкретизация признаков говорящего: пол, возраст говорящего, его эмоциональное и физическое состояние, профессиональная принадлежность и др.) и должен быть включён в содержание обучения РКИ студентов-филологов.

Основным источником контекстов употребления в нашем исследовании стал роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сплошная выборка глаголов речи из романа, характеризующих звучание и произнесение, демонстрирует следующее: в романе имеется 73 глагола, передающих звуковую сторону речи. Наиболее часто употребляются следующие глаголы (с учётом приставочных вариантов): «кричать» — 221; «шептать» — 97; «бормотать» — 38 (то есть глаголы, указывающие на степень громкости речи); реже: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3 и др.

В тексте романа представлен основной словообразовательный потенциал изучаемых глаголов, реализуемый как в их приставочных вариантах, так и в других частях речи, ср.: *Строго преследуется, — тихо-претихо прошептал председатель и оглянулся. — А где же свидетели? — шепнул в другое ухо Коровьев, — я вас спрашиваю, где они?; Вот что, Миша, — зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, — он никакой не интуист, а шпион; Они шептались в подворотне какого-то двора; Шёпот «нечистая сила...» слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах; Он шёпотом сообщил Ивану, что в 119-ю комнату привезли новенького и др.*

Особенности звучания голоса в романе М. А. Булгакова могут создавать различные возможности интерпретации сказанного, вплоть до отрицания его основного смысла. Ср., например, слова Пилата о казни в эпилоге романа: *Ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было? — Ну, конечно, не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось.* Как отмечает Б. М. Гаспаров, ««хриплый голос» спутника Пилата говорит об обратном» [3].

Помимо глаголов, передающих звуковую сторону речи, М. А. Булгаков использует и другие возможности передачи акустических и артикуляционных особенностей речи. Это необходимо учитывать при формировании у учащихся способности к перефразированию. Особенно часто в романе используется конструкция «глагол речи + наречие, уточняющее и конкретизирующее его семантику», например:

— наречие, указывающее на степень громкости речи: *Что, хороша? — громко крикнула охрипшим голосом Маргарита Николаевна; Тогда он замедлил шаг и негромко крикнул: — Ниша! При обучении филологов необходимо учитывать, что в художественных контекстах встречаются «нестандартные употребления», предполагающие «нарушения» устоявшихся норм лексического согласования. Так, в романе Булгакова градация громкости речи часто усиливается за счёт «тавтологичной» семантики наречия, например: беззвучно шепнул, беззвучно зашептал, тихо-претихо прошептал, чуть слышно шепнул. Семантика наречия иногда вступает в определённое противоречие с семантикой глагола, что создаёт особенно выразительную характеристику звучащего голоса: Что вы изволите делать, королева?! — отчаянно, но беззвучно вскричал на ухо Маргарите Коровьев, — получится затоп!*

— наречие, указывающее на эмоциональное, психологическое состояние говорящего: *Откуда ж эти отражения?! — он заглянул в переднюю и испуганно закричал: — Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он?; Что ты делаешь? — страдальчески прокричал мастер, — Марго, не позорь себя!*

— наречие, указывающее на намерение говорящего: *Но вы что-нибудь знаете о нём? — моляще шепнула Маргарита и др.*

Для передачи акустических особенностей речи в романе часто используются и другие лексические средства, например, модель «общий глагол речи + каким голосом», при этом характеристики звучащего голоса в романе «Мастер и Маргарита» чрезвычайно многоаспектны: *Ни... за... — не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укориженным проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука; Вот и дочертыхался, — тут красавица подбежала к письменному столу и музыкальным нежным голосом, немного гнусавым после плача, воскликнула: — Проша! Где вы?*

В тексте романа аккумулируются обширные парадигмы лексических средств, передающих нюансы звучащей речи. Ср., например, лексическую парадигму, включающую компонент «говорить тихо»: *заговорил негромко; сказал тихо (тихонько); заговорил шёпотом; заговорил таинственным шёпотом; спросил прерывающимся шёпотом; тихо-претихо прошептал; чуть слышно шепнул; беззвучно шепнул; тихо и весело шепнул; торжественно прошептал; прошептал озабоченно; беспокойно зашептали; встревоженно шепнул; моляще шепнула; сконфузившись шепнул; шепнул многозначительно; монашески шептала; шептала, давясь словами; шептал тихо, но очень выразительно; зашептал дрожащим голосом; зашептал растерянно; сладко прошептал и др.*

При работе с лексическими средствами, вербализирующими особенности внешней стороны речи, следует учитывать, что они не только усиливают выразительность отдельных персонажей и ситуаций, но и участвуют в создании «звукового образа» романа. Так, например, частотность и характер глаголов, передающих звуковую сторону речи, подчёркивает разделённость «двух миров» романа: исследуемые глаголы чрезвычайно частотны в так называемых «московских» главах и не столь употребительны в «библейских». В «библейских» же используется, в основном, подгруппа глаголов, характеризующих речь по степени громкости, в то время как в «московских» главах чрезвычайно частотны глаголы, указывающие на степень чёткости, скорости речи, высоты голоса и особенностей артикуляции. Особенности использования глаголов речи в романе можно объяснить глубинными художественными замыслами писателя. По мнению Б. М. Гаспарова, «недискретность, пластичность объектов повествования», характерная для текста романа, реализуется в мотиве постоянного перевоплощения героев [3], который ярко

проявляется и в особенностях звучания их речи. Так, Воланд то говорит по-русски с лёгким акцентом, то его акцент «куда-то пропал», то он переходит на ломаную русскую речь, демонстрируя плохое знание языка. Сравните отражение этого мотива в контрастном использовании характеристик звучащей речи: *Ну, уж это положительно интересно, — **трясаясь от хохота, проговорил профессор, — что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!** — он перестал хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болезни, после хохота впал в другую крайность — **раздразнился и крикнул сурово: — Так, стало быть, так-таки и нету?; Нету?** — **грозным басом взревел повар, — нету?** — **женским ласковым голосом спросил он, — нету, нету, — успокоительно забормотал он, превращаясь в фельдшерницу Прасковью Фёдоровну.***

В различных лексических средствах, передающих звуковую сторону речи, находит отражение и другой — «музыкальный» — мотив повествования. Исследователи романа говорят о том, что в нём часто используются «номинации музыкальных голосовых регистров» в качестве речевых [4, с. 519]. Ср.: ***Бас сказал безжалостно: — Готово дело. Белая горячка; Ба! Никанор Иванович, — заорал дребезжащим тенором неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием; Это опять-таки случай так называемого вранья, — объявил он громким козлиным тенором, — бумажки, граждане, настоящие!***

При работе с контекстами необходимо использовать особые приёмы, позволяющие эксплицировать для учащихся лингвокультурологический потенциал глаголов: приём установления градации степени проявления основного семантического компонента тематической группы (громкости, темпа и др.); приём наложения семантических и текстовых конкретизаторов на типовую семантику глаголов отдельной тематической группы; приём опоры на экстралингвистическую ситуацию осуществления речевой деятельности; приём соотношения различных средств номинации звуковой стороны речи и др. Это позволяет дополнить семантику глаголов, передающих звуковую сторону речи и получающих в контексте дополнительные признаки, которые указывают на особенности экстралингвистической ситуации, а также представить различные лексические средства выражения семантики звуковой стороны речи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. статей. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 7—19.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — М. : АСТ ; Вече, 1998. — 544 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные мотивы: Очерки русской литературы XX века. — М. : Наука, 1994. — 303 с.
4. Кодзасов С. В. Голос: свойства, функции и номинации / С. В. Кодзасов // Язык о языке : сб. статей. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 502—526.
5. Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 7: Труды по филологии (1739—1758 гг.). — Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml
6. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2008. — 341 с.
7. Хромов С. С. Русская интонация в языке и речи (об изучении и описании русской интонации в отечественной лингводидактической традиции в XX—XXI вв.) // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / С. С. Хромов. — СПб. : Северная звезда, 2010. — С. 26—32.

References

1. Arutiunova N. D. Naivnye razmyshlenija o naivnoj kartine mira // Jazyk o jazyke: sb. statej / N. D. Arutiunova. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. — S. 7—19.
2. Bulgakov M. A. Master i Margarita / M. A. Bulgakov. — M. : AST, Veche, 1998. — 544 s.
3. Gasparov B. M. Literaturnye motivy: Oчерki russkoj literatury XX veka. — M. : Nauka, 1994. — 303 s.
4. Kodzasov S. V. Golos: svojstva, funkcii i nominacii // Jazyk o jazyke : sb. statej / S. V. Kodzasov. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. — S. 502—526.
5. Lomonosov M. V. Kраткое rukovodstvo k ritorike na pol'zu ljubitelej sladkorechija [Elektronnyj resurs] / Lomonosov M. V. // Poln. sobr. soch. — T. 7: Trudy po filologii (1739—1758 gg.). — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml
6. Ter-Minasova S. G. Vojna i mir jazykov i kul'tur / S. G. Ter-Minasova. — M. : Slovo, 2008. — 341 s.
7. Hromov S. S. Russkaja intonacija v jazyke i rechi (ob izuchenii i opisanii russkoj intonacii v otechestvennoj lingvodidakticheskoj tradicii v XX—XXI vv.) // Russkij jazyk kak inostrannyj: Teorija. Issledovanija. Praktika / S. S. Hromov. — SPb. : Severnaja zvezda, 2010. — S. 26—32.

ВАСИЛЬЄВА Галина Михайлівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри міжкультурних комунікацій Російського державного педагогічного університету ім. О. І. Герцена; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: galinav44@mail.ru; тел.: +7 (812) 6862112; моб.: +7 921 6580090

ВИНОГРАДОВА Марина Володимирівна,

заступник завідувача кафедри російської мови Санкт-Петербурзького університету МВС Росії; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; тел.: +7 (812) 7303239; моб.: +7 8 921 3405621

ДІЄСЛОВА, ЩО ПЕРЕДАЮТЬ ЗВУКОВИЙ АСПЕКТ МОВЛЕННЯ, У НАВЧАННІ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ

Анотація. У статті запропоновано принцип повноти семантичного опису культуроінформативної лексики, який реалізується із залученням лексикографічних джерел і текстових реалізацій (на прикладі лексико-семантичної групи дієслів, що передають звукову сторону мови). Даний принцип актуальний для опису предмета навчання іноземних студентів-філологів у рамках лінгвокультурологічного підходу.

Основне джерело досліджених контекстів — роман М. Булгакова «Майстер і Маргарита». Найбільш часто вживаються дієслова і віддієслівні іменники словотвірних гнізд: «кричать» — 221; «шептять» — 97; «бормотать» — 38 (слова, що вказують на ступінь гучності мови); рідше: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3.

У викладанні необхідно використовувати особливі прийоми, які дозволяють експлікувати лінгвокультурний потенціал дієслів: прийом визначення ступеня прояву основного семантичного компонента тематичної групи (гучності, темпу та ін.); прийом накладення семантичних і текстових конкретизаторів на типову семантику дієслів тематичної групи; прийом опори на екстралінгвістичну ситуацію мовної діяльності; прийом співвіднесення різних засобів номінації звукової сторони мови та інші.

Ключові слова: лексико-семантична група, принцип повноти семантичного опису лексики, лінгвокультурологічний підхід, іноземні студенти-філологи, російська мова як іноземна.

Galina M. VASILIEVA,

Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of Intercultural Communication Department of Russian State Pedagogical Herzen University; St. Petersburg, Russia;
e-mail: galinav44@mail.ru; tel.: +7 (812) 6862112; mob.: +7 921 6580090

Marina V. VINOGRADOVA,

Deputy Head of the Russian Language Department at St. Petersburg University of MIA; St. Petersburg, Russia;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; Tel.: +7 (812) 7303239; Cell.: +7 8 921 3405621

VERBS RENDERING THE SONIC ASPECT OF SPEECH IN TEACHING OF FOREIGN STUDENTS OF PHILOLOGY

Summary. The article offers a principle of completeness of semantic description of culturally informative vocabulary which is implemented with the use of lexicographical sources and textual implementations (on the example of lexical and semantic group of verbs rendering the sound aspect of speech). The given principle is actual for the description of the foreign students teaching in the framework of linguistic and cultural approach.

The main source of the examined contexts is the novel by Mikhail Bulgakov «The Master and Margarita.» The most frequently are used the verbs and verbal nouns from derivational nests: «krichat'» (to cry) — 221; «sheptat'» (to whisper) — 97; «bormotat'» (to mumble) — 38 (words indicating the degree of loudness of speech); less often: «voskliknut'» (to exclaim) — 56; «orat'» (to scream) — 15; «khripet'» (to wheeze) — 15; «shipet'» (to hiss) — 3.

It is necessary to use peculiar technique which allows to explicate the lingual and cultural potential of verbs: the method of manifestation of the basic semantic component of the thematic group (volume, tempo, and others); the imposition of semantic and text concrete definitions on default configuration of verbs of the thematic group; the technique of basis on extralinguistic situation of speech activity; the technique of various means correlation in sound aspect of speech.

Key words: lexical and semantic group, principle of completeness of semantic description of vocabulary, lingual and cultural approach, foreign students of philology, the Russian language as foreign.

Статтю отримано 24.06.2014 р.